

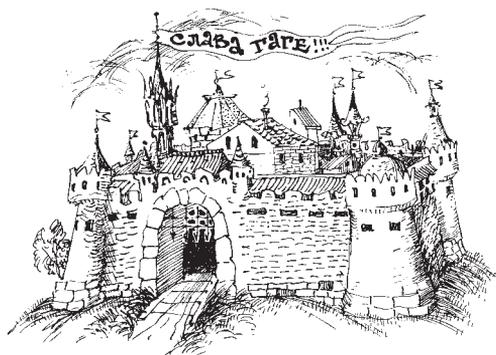
БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН



АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

Джек
Сумасшедший король



ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ
ДЖЕК И ТАЙНА ДРЕВНЕГО ЗАМКА
ДЖЕК НА ВОСТОКЕ

Сказочная трилогия

147 ИЛЛЮСТРАЦИЙ
НАТАЛЬИ ТОРОПИЦЫНОЙ



Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2015

УДК 82-312.9(09)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Рисунок на переплете
И. Воронина

Белянин А. О.
Б43 Джек Сумасшедший король: Джек Сумасшедший король; Джек и тайна древнего замка; Джек на Востоке: Сказочная трилогия/Ил. Н. Торопицыной. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 396 с.: ил. — (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-2044-5

По дорогам сказочной страны на великолепном черном коне скачет бедно одетый юноша. Рядом бежит большой лохматый пес. Все трое переговариваются и прекрасно понимают друг друга, ведь это верные и неразлучные друзья! Конь — вовсе не конь, а старый рассеянный волшебник Лагун-Сумасброд. Пес — вовсе не пес, а ученик чародея, неунывающий Сэм Вилкинс. А юноша... Да это же самый настоящий принц, тот, кого прозвали Сумасшедшим королем!

Страшна и опасна их дорога в замок Бесклахом: в самых неожиданных местах их подстерегают вервульфы и волкодлаки, оборотни и упыри. Но почему они продолжают так упорно стремиться вперед? Какая цель ведет друзей через все трудности пути?

Об этом вы узнаете, прочитав сказочную трилогию А. Белянина.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

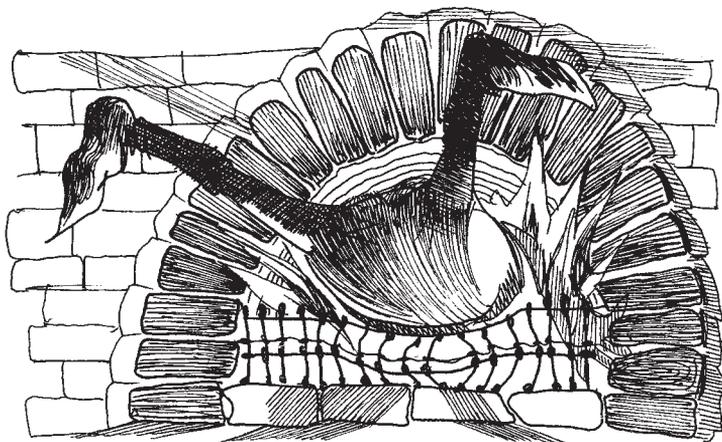
© Белянин А. О., 2015
© Иллюстрации, Торопицына Н. В., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2044-5

ДЖЕК
СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



В деревне его называли Сумасшедшим королем. Надо признать, что прозвище ему подходило. К тому же его настоящего имени никто не знал. Он пришел в деревню с Севера, несчастный, босой, заросший густой черной щетиной, — бродяга. На вид ему можно было дать лет тридцать — тридцать пять. Одет в рваную рубаху ниже колен — больше ничего на нем не было. Вскоре деревенские жители узнали, что он еще и немой.

Видимо, бродяга был так голоден, что ноги сами принесли его к трактиру. Трактир, или постоялый двор, имел звучное название — «Дракон на сеновале». Откуда оно взялось, никто толком не знал. Но ходили слухи, что в древние времена прапрабабушку нынешнего хозяина поймал дракон и затащил ее в хлев. Улетая, а вернее улетучиваясь, дракон оставил своей избраннице достаточно золота, для того чтобы основать постоялый двор. Через девять месяцев родился мальчик. Он и положил начало династии владельцев «Дракона на сеновале».

Нынешний трактирщик являл точное подобие своих предков: такой же рыжий, толстый и нахальный.

Как мы уже говорили, бродяга был очень голоден, его шатало от усталости, и весь его жалкий вид вызывал у трактирщика естественное раздражение.

— А ну проваливай отсюда! — прикрикнул он, уперев руки в бока. — Здесь не церковь и нищим не подают!

В ответ бродяга прогудел что-то невразумительное и, величественным жестом отодвинув хозяина, вошел в трактир. Завсег-



датаи оторвались от кружек и удивленно воззрились на неожиданного гостя.

— Куда ты лезешь, грязная свинья?! Здесь собираются только порядочные люди. Вон отсюда! Вон, я сказал!

А бродяга, не удостоив никого даже взглядом, бросился к ближайшему столу, схватил кусок хлеба и быстро, не жуя, проглотил его.

— Ах ты, скотина эдакая! — взорвался праведным гневом хозяин. — Я тебе покажу, как портить репутацию моего заведения!

С этими словами он что есть силы толкнул нищего в спину. Тот упал. Недоеденная корка хлеба вылетела у него изо рта и закатилась под чей-то табурет. Присутствующие дружно расхохотались. Еще бы! Не каждый день можно было безнаказанно отпинать какого-нибудь бедолагу, а этот еще и вломился в трактир, нарушив покой честных людей. Хозяин под ободряющий смех ткнул бродягу ногой:

— Убирайся отсюда, паршивый пес! А не то я отделаю тебя, как мавры святого Августина!

Бродяга, шатаясь, встал, сплюнул кровь и, распрямившись во весь рост, одним быстрым движением оторвал доску от стола. Все на мгновение замерли. Блеклые глаза трактирщика округлились от удивления. Бац! — и хозяин трактира, перелетев через два стола, рухнул в горящий камин. Его поросячий визг перекрыл дружный рев рассерженных крестьян. Человек двадцать, вооружившись табуретками и палками, бросились на чужака. Глаза бродяги грозно сверкнули сквозь спутанную гриву волос, и он с глухим мычанием пошел в атаку.

Надо признать, что дрался он неплохо. Если бы не голод и крайняя усталость, возможно, его вообще не удалось бы одолеть. Когда окровавленного и бесчувственного бродягу вышвырнули на улицу, никто из двадцати завсегдаев трактира не мог похвастаться идеальным здоровьем. Несколько разбитых голов, десятков различных переломов, кровоточащие носы, опухшие уши и выбитые зубы — вот печальный итог прошедшего сражения. Впрочем, все ушли на своих ногах, хотя кое-кого и поддерживали товарищи.

Вопреки всеобщим ожиданиям, бродяга довольно быстро пришел в себя, а сердобольная служанка из трактира принесла ему воды и кусок черного хлеба с двумя луковицами. Позднее она вспоминала, что ее просто потрясло, с каким царственным видом он принял это подношение. В общем, бродяга остался в деревне. Те, кому он успел дать по физиономии, даже зауважали его и стали пытаться пристроить к какому-нибудь делу. Правда, ничего хорошего из этого не вышло. У бедняги все валилось из рук, он просто не был ни к чему приспособлен. Одно время бродяга работал у кузнеца, поднимал тяжелый молот, но, когда кузнец за какую-то оплошность отвесил ему подзатыльник, вспыльчивый работник швырнул в него кувалдой. И хорошо, что кузнец успел пригнуться. Потом бедолага пас деревенских коней. В лошадях он разбирался неплохо, но очень раздражал своим поведением. Будучи последним пастухом, бродяга шествовал по деревне задрвав голову и выпятив грудь, как благородный лорд, едва заметным кивком отвечая на приветствия. Кто-то назвал его Сумасшедшим королем. Кличка приклеилась, и довольно скоро он и сам стал откликаться на эти слова, хотя многие понимали, что отвечает он не на обидное прозвище, а лишь запомнив определенный набор звуков. Сам бродяга говорить не мог, только мычал и гыкал, хотя и все слышал. Постепенно жизнь в деревне пошла своим чередом.

Вскоре мирную скуку деревенской жизни вновь нарушили бурные события. Произошла очередная стычка между бродягой и местными жителями. На этот раз в деле оказался замешан староста. У него выдался веселенький денек, и он, будучи изрядно пьян, ехал с дружками в телеге по улице. Впереди замаячила одинокая фигура Сумасшедшего короля. Староста кричал, ругался, орал и еле успел придержать коней, чтоб не сбить бродягу. Взбешенный староста хлестнул его кнутом и прикрикнул на лошадей, однако отъехать не успел... Стальная рука схватила колесо за обод и дернула назад с такой силой, что кони присели: это Сумасшедший король, потирая вздувшийся рубец от удара кнутом, решил отомстить обидчикам. Но сочувствие жителей деревни было на стороне местных. Крестьяне с палками и дубинками в руках собрались раз и навсегда призвать Сумасшедшего короля к порядку. Загнанный в угол, окруженный со всех сторон разъяренной толпой, он ревел, как раненый зверь, но не просил пощады, а всем видом давал понять, что будет

драться до конца. Жители деревни боялись его, и это объединило их.

Возможно, они бы его убили, ибо только так могли избавиться от своего страха. Но прежде чем первая дубина опустилась на голову бродяги, меж ним и толпой встала величественная седовласая фигура.

— Колдун!

Да, это был известный в округе чародей и прорицатель Лагун-Сумасброд. Он жил отшельником в глухом лесу в компании единственного ученика; в окрестных деревнях появлялся редко, да и местные жители не часто посещали его уединенное жилище, разве что корова у кого заболит или ребенка сглазят.

В те смутные времена еще попадались говорящие драконы, бродили злые ведьмы и время от времени вырывались на волю страшные демоны подземного мира. В лесах встречались упыри и волкодлаки, болота кишели русалками, в замках водились привидения, а странствующие рыцари периодически побеждали какого-нибудь злого волшебника или воскресшего мертвеца. Мрачные, таинственные, но богатые на события времена...

Появление колдуна на деревенской площади несколько охладило горячие головы.

— Чем не угодил вам этот человек?

Из толпы крестьян посыпались угрожающие выкрики и упреки в адрес Сумасшедшего короля. Суть всего шума сводилась к одному: или он уйдет, или его убьют.

— Если он так вам мешает, я готов взять его к себе. Отныне он мой! — твердо заявил колдун.

С этими словами он взял Сумасшедшего короля за руку и взглянул ему в глаза. Наверное, было что-то властное в сверкающих гневом глазах бродяги. Лагун-Сумасброд склонился перед ним и жестом пригласил идти за собой. Изумленная толпа замолчала. Сумасшедший король величественно кивнул и пошел впереди колдуна, который семенит следом, указывая путь.

Отшельник жил в пещере под холмом. Рядом протекал ручей, на деревьях вили гнезда птицы. Из пещеры навстречу им вышел молодой человек лет двадцати с улыбкой на смуглом лице. Это был печально известный по всем окрестным деревням весельчак и балагур Сэм Вилкинс — ученик колдуна. Многие крестьянки

тайно вздыхали по нему, матери берегли взрослых дочерей, а деревенские парни не раз пытались поймать повесу, чтобы устроить ему темную. Однако Сэм с удивительной легкостью и везением выпутывался из щекотливых ситуаций. Он жил у старого колдуна уже около пяти лет, и все это время прошло в ссорах и скандалах. Колдун не переставая ворчал на непоседливого ученика, постоянно путавшего заклинания, снадобья и порошки по причине собственного легкомыслия и беззаботного нрава. Сэм, в свою очередь, возмущался педантичностью и строгостью учителя, считая его брюзгой и сухарем. Однако это не мешало им жить душа в душу. Они дня не могли прожить друг без друга — по-видимому, в силу закона о притяжении противоположностей.

— Так... Опять кого-то притащил. Здесь что, постоянный двор или ночлежка для нищих?

— Молчи, несчастный! Кто хозяин в доме?! — грозно ответил колдун.

— В доме? О господи... Эта дыра — дом?! — всплеснул руками Сэм. — Хозяин, конечно, ты, но где будет спать этот грязный бродяга?

— Он не бродяга. В его глазах — знак высшей крови!

— Ага! Очередной заколдованный принц?

— Прекрати! Мне лучше знать, кто он.

— В этом я не сомневаюсь. А вот чем его кормить, я тебя спрашиваю? Хлеба — ни куска, вино кончилось, а ты, похоже, ничего не принес из деревни?

— Ну не принес... — потупился колдун. — Забыл. Зато я спас этого человека от расправы мужланов.

— Ладно, — смилостивился Сэм Вилкинс. — Сейчас схожу и наколдую чего-нибудь.

— Нет! Только не это! Ты опять что-нибудь напутаешь! — замахал руками Лагун.

— Чего ж тут путать... Сейчас будет жареная говядина. Я настроен на бифштекс по-валлийски... — бормотал Сэм, скрываясь в пещере.

Колдун обреченно махнул рукой и жестом пригласил Сумасшедшего короля сесть на пень. Сам Лагун-Сумасброд пристроился рядышком на седом валуне.

— Ну-с, молодой человек... — Колдун не договорил.

Раздался грохот, и из пещеры пулей вылетел Сэм Вилкинс. За ним по пятам неся огромный кинберийский бык, облепленный кружками лука и обильно политый соусом. Бык яростно мычал



и старался подцепить волшебника-недоучку рогами. Когда ревущая парочка скрылась в лесу, колдун сокрушенно покачал головой:

— Предупреждал же... Эх, молодежь...

В тот же вечер Сумасшедшего короля вымыли. Волшебник выудил откуда-то из запасов приличную одежду: куртку из мягкой кожи, бархатные потертые штаны, пару тонких шерстяных рубашек и высокие сапоги. Сэм, вооружившись ножницами и бритвой, буквально за полчаса привел прическу бродяги в боже-ский вид, после чего сбрил ему бороду. Потом, оглядев свое «творение», сбежал куда-то и притащил почти новый кожаный пояс, богато украшенный вышивкой и тиснением:

— Носи! Помни мою доброту.

И Сэм торжественно вручил пояс Сумасшедшему королю. После чего чародей и его ученик отошли в сторону, откровенно любуясь делом своих рук.

— Два часа работы, никакого волшебства, а каков результат! — хвастливо заключил Лагун-Сумасброд.

— Хорош, хорош, — добродушно поддакнул Сэм.

Надо сказать, перемена была разительной. Никто и ни за что не узнал бы теперь бывшего замызганного бродягу. Аккуратность и чистота костюма подчеркивали ладную и легкую фигуру, темно-русые волосы рассыпались по плечам, а правильные черты лица дышали благородством и отвагой. Теперь стало ясно, что этому молодому человеку лет двадцать пять, не больше. Хотя горячая вода, ножницы и приличная одежда изменили его внешность, однако они не могли вернуть ему речь и ясность ума.

Когда наступила ночь, колдун стал активно готовиться к какому-то волшебству.

— Тебе помочь? — участливо спросил Сэм.

— Только попробуй! — огрызнулся Сумасброд. — Мне сейчас тебя только и не хватает.

— Я к нему со всей душой... ну дай хоть ложкой в котле помешаю, — каニュчил Сэм.

— Нет! Сказано — нет! Еще уронишь туда что-нибудь или плюнешь ненароком... Все заклинание насмарку! Сядь вон лучше в угол и поговори с нашим гостем.

— Издеваешься, да? О чем с ним говорить? Он же сумасшедший!

— Не сумасшедший, а больной, — назидательно отметил Сумасброд.

Он напихал в котел кучу трав, порошков и снадобий, перемешал хорошенько и поставил на огонь, чтоб вскипело. В свободное время колдун был не прочь пофилософствовать на отвлеченные темы. Вилкинс, послушно сложив руки, тихонько сидел на кривоногом табурете в углу пещеры. Чуть дальше на рыжей овчине расположился Сумасшедший король. Оба не сводили глаз с чародея. Лагун-Сумасброд решил, что аудитория вполне созрела для небольшой лекции.

— Поступки этого юноши не укладываются в рамки понимания жителей деревни. Он выглядит бродягой, а ведет себя как принц крови. Почему? Общественное мнение выносит суровый вердикт: сумасшествие! Они считают его психом, кретином, идиотом, параноиком, шизофреником — кем угодно, но только не нормальным человеком. Общество изгоняет его! Но справедливо ли это? По всем божеским и человеческим законам — нет! Тысячу раз — нет! Поведение жителей деревни аморально и заслуживает всякого осуждения. Однако взглянем на проблему с другой стороны. А так ли уж нелепы его поступки? В определенном плане все его действия абсолютно осмысленны и совершенно оправданны. Что, если мы предположим... только предположим наличие в этом юноше голубой крови? — Колдун торжественно оглядел слушателей и вдохновенно задирижировал





ложкой. — Это многое объясняет. Заколдованный принц? Очарованный рыцарь? Почему же нет? Тысячу раз — да!

Сэм Вилкинс разразился бурными аплодисментами. Сумасшедший король ничего не понял, но довольно замычал.

Лагун-Сумасброд раскланялся, как профессор на кафедре, и, жестом попросив тишины, продолжил:

— Итак, что мы имеем? Странный молодой человек, обладающий всеми данными высокого рода, с неразвитой речью и ограниченным мышлением. Вот где нестыковка! Его величие не вяжется с его речью, его манеры не соответствуют его внешнему виду, он словно искусственно составлен из двух противоречивых половин! Какое этому может быть логическое объяснение? Только одно: он заколдован!

Время приближалось к двенадцати. В котле кипело что-то очень волшебное, распространяя вокруг дивный аромат. Правда, пить это зелье не рекомендовалось: чародей напихал туда столько трав и порошков, что им можно было устроить несварение желудка даже дракону.

— Назначение снадобья не в этом, — объяснил Сумасброд. — Главное — пар! Именно в нем все и дело. Подойдите-ка сюда, молодой человек.

Сумасшедший король послушно подошел к котлу и непонимающе взглянул на чародея.

— Смотрите сюда! — Волшебник указал пальцем на кипящую жидкость.

Король наклонился над котлом. В тот же миг Лагун-Сумасброд крепко ухватил его за шею и плечи, наклоняя еще ниже

и заставляя вдыхать сладковато-дурманящий пар. Пленник испуганно замычал и стал вырываться, однако сил у старого волшебника еще хватало.

— Сэм, помоги! Держи его крепче!

Вдвоем они удерживали Сумасшедшего короля около минуты, после чего волшебник и его ученик разлетелись по разным углам пещеры, а их «пациент» смог наконец выпрямиться. Он просто кипел от ярости, глаза безумно блуждали по пещере, а грозное рычание напоминало сдержанный рык медведя. Сумасшедший король разглядел спрятавшегося за кучей тряпья Сэма, недобро ухмыльнулся и, вытянув вперед руки, крепко схватил его за горло. Однако Лагун-Сумасброд бросился на выручку своему ученику и что есть силы треснул Сумасшедшего короля ложкой по затылку. Длинная кленовая ложка разлетелась на кусочки. Сумасшедший король выпустил шею Сэма и тяжело рухнул наземь.

— Так... теперь на твоей совести еще и убийство!

— Не городи ерунды! Всего лишь глубокий обморок. Сейчас он придет в себя.

— Ага, как же! Наварил невесть что, заставил парня нюхать эту гадость, а когда тот окончательно сбрендил — хрясь его дубинкой по башке! И это ты называешь лечением?

— Не дубинкой, а ложкой-мешалкой! А лечил я его правильно! Правильно! Так что не суй свой нос...

— Убийца! Люди-и! На помощь!

— Замолчи, болван! Я же тебя спасал!

— Кого ты спасал? Он бы меня и пальцем не тронул. Я ему пояс подарил! Люди-и, на помощь! Он просто спрятаться от тебя хотел! Укрыться на моей груди, как ребенок у матери! Как птенчик в грозу! Как... Ой и на кого ж ты меня покину-у-ул!

— Прекрати голосить, болван впечатлительный! Не убивал я его, десятый раз тебе повторяю! Но если ты не замолчишь, я действительно совершу убийство!

— Я же говорил! Старый дурень! На помощь! Люди-и!

От возмущения и обиды у волшебника перехватило горло. Сэм тоже перестал орать, поняв, что наговорил лишнего. «Старый дурень» было явно не к месту.

Тем временем Сумасшедший король шевельнулся, сел, обхватив голову руками, и, обведя пещеру совершенно осмысленным взглядом, тихо простонал:

— Господи, где я?

Солнце светило вовсю. Птицы пели, цветы благоухали, деревья дышали теплом и смолой. Благодушие и умиротворенность

были разлиты в воздухе. На полянке перед пещерой в тесной дружеской компании завтракали трое. Лагун-Сумасброд позаботился о вине, жареном мясе и рыбе, а Сэм раненько поутру смотался в ближайшую деревеньку и выцыганил там молоко и хлеб. Возвращаясь в пещеру, он еще умудрился насобирать лесных орехов. Завтрак удался на славу!

Сумасшедший король оказался веселым собеседником и приятным товарищем. На волшебника он смотрел с глубочайшим уважением, как на человека, вновь подарившего ему жизнь, и мог погибнуть за него безропотно. С учеником чародея мгновенно установились самые дружеские отношения, благо что молодые люди были почти одного возраста, хотя Сэм относился к Сумасшедшему королю с несколько отеческим покровительством, считая личным долгом хлопотать и заботиться о своем новом друге.

«Воспитанник» Сэма был на голову выше его ростом и вдвое шире в плечах, но ученик чародея носился с ним как курица с яйцом, стараясь накормить, усадить, причесать и как можно лучше устроить свое высокорослое «дитятко».

— Итак, молодой человек, вы ничего не помните? — Раскурив трубку, волшебник удобно расположился на валуне.

— Почти ничего... — вздохнул Сумасшедший король. — Какие-то летучие обрывки то ли снов, то ли воспоминаний...

— Ты говори, говори, — важно поддакнул Сэм. — Мы подумаем, посоветуемся и во всем разберемся.

— Я и не сомневаюсь, только мало чем могу помочь. Помню какие-то крепостные стены... Потом лес... Куда-то бегу, а за мной гонятся всадники... Что же еще? Какое-то зеленое пламя и такое прекрасное женское лицо... Свечи... Много свечей...

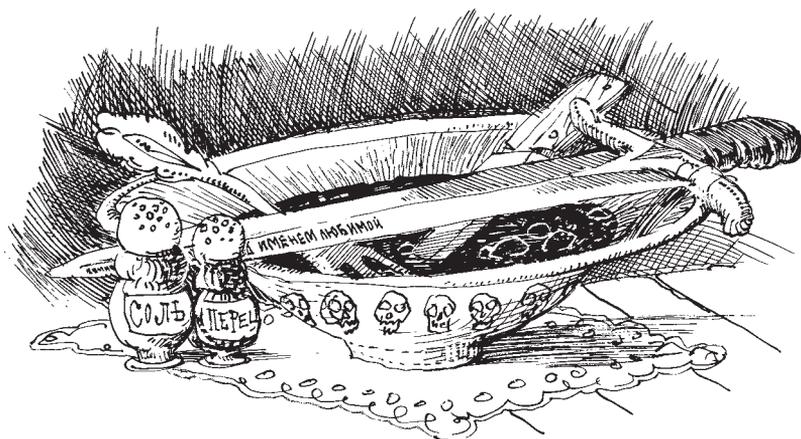
— Ну? — подтолкнул ученик чародея.

— Все, — выдохнул Сумасшедший король. — Больше ничего не помню... Лагун, вы — великий маг, прошу вас, скажите мне: кто я?

— Мальчик мой, — улыбнулся волшебник, — все не так просто, как вам кажется. Я не великий маг, а обыкновенный колдун местного значения. Мои возможности весьма ограничены. Да, я могу кое-что, но вернуть вам память... Однако некоторыми умозаключениями я с вами поделюсь. — Оба слушателя тихо пододвинулись поближе. Лагун вновь принял вид профессора на кафедре и, откашлявшись, заговорил: — Итак, что я имел в виду? Я сумел вернуть вам речь и человеческий облик. В виде бродяги вы были просто ужасны! В своем заклинании я использовал довольно сильнодействующее средство, но...

ДЖЕК И ТАЙНА ДРЕВНЕГО ЗАМКА





Дождь. Сырая, промозглая погода. Где-то далеко на юге остался Бесклахом, теплый каминный зал, вышколенные слуги, изысканные яства. Джек вновь вспомнил лицо брата, простое и улыбчивое, с мужественными глазами и упрямым подбородком. Сколько времени прошло, а Сумасшедший король ни разу не пожалел, что отрекся от трона. Он умел глядеть правде в глаза. Стезя монарха — не только пиры да сражения, в основном это серые будни, законотворчество, политика, интриги и вечное бремя ответственности за каждый шаг, случайное слово, неосторожный жест...

Джек подбросил хвороста в костер, и взметнувшееся пламя озарило пещерку. Ворчливый Сэм менял холодный компресс на лбу у задремавшего колдуна. Леди Шелти, дочь рыцаря, еще час назад ушла в лес в надежде подстрелить какого-нибудь кролика, хотя охота в такую погоду была чистым безумием. Добрый монах отец Доминик остался в горной деревеньке — там умирал приходской священник и ему требовалось утешение брата. Джек тронул Вилкинса за плечо и виновато спросил:

— Ему лучше?

— Болезнь не прогрессирует, — вяло отмахнулся бывший пес. — Однако гоняться за бабочками он пока не в состоянии.

— Плохо...

— Выкрутимся. Главное сейчас — горячий ужин и ноги в тепле. Вот только Шелти задерживается. Слушай, а чего ты на ней не женишься?

— Я?! — Джек густо покраснел. — Это... невозможно! Ну ты погляди на нее — красивая, умная, понимающая. Она просто совершенство! В ней нет изъянов... А я?

— Это точно. Ты ни в какое сравнение не идешь с таким идеалом. Вот, ей-богу, без обид — мозги у тебя явно набекрень, интеллект...

— Сейчас в ухо получишь!

— Ладно, я же по дружбе. — Сэм раздумчиво вздохнул и отодвинулся подальше от Лагуна-Сумасброда, чтобы случайно не разбудить больного. — И внешность у тебя не ахти, особенно в профиль — совершенно идиотское лицо!

— Ты на себя полюбуйся! — вспыхнул Сумасшедший король. — Вообще не понимаю, с чего вдруг такие нападки?

— Прости... — Вилкинс сел, обхватив руками колени, и устался на дождь. — Я люблю ее, Джек. Люблю, как никого другого, я по уши втрескался в эту ягодку, еще когда увидел ее купающейся в ручейке. Ты бы поглядел...

— Не надо!

— А я ревную!

— Ты только что заявил, что у меня нет никаких шансов.

— А я все равно бешено ревную! Ко всем! К тебе, к Лагуну, к отцу Доминику, к каждому столбу и кусту. Боже мой, как я страдаю...

— Страдай потише, разбудишь!

— А вот и наш ужин. — Мокрая как мышь охотница показалась в проеме пещеры, в руках она держала крупного глухаря. Дочь рыцаря передала птицу подскочившему Вилкинсу и с наслаждением протянула руки к огню. — Опять ссоритесь? Из-за чего на этот раз?

— Из-за женщины... — честно признал Джек. Тонкости в общении с дамами ему были неведомы.

Шелти подозрительно напряглась:

— Если этот обормот опять рассказывал, как я...

Сэм предусмотрительно нырнул в дождь и уже оттуда почти оперным голосом запел:

О прекрасная леди!
Снизойди ко мне,
Как к интимной беседе
При ущербной луне...

— Ладно, мир! Промокнешь же... — расхохоталась дочь рыцаря, и Вилкинс вновь уселся у костерка ощипывать глухаря. — Ну а какие у нас планы после ужина? Может, стоит вернуться в ту деревню, Лагун совсем расхворался...

— Да, эта сырость хоть кого доконает, — поддержал Джек. — Тем более что в этих краях ничего интересного нам не светит.

— Факт! Если какие приключения и происходили, то свалились они на другие головы... — подтвердил ученик колдуна, насаживая птицу на полоску стали. Что-что, а уж готовить в походе он умел как никто. — Вот железочку нашел, в углу пылилась, похоже, обломок чьего-то меча. А мы на нем ужин сготовим.

— Дай-ка... — Шелти изменилась в лице. На отчищенной поверхности клинка витиеватой вязью были выгравированы слова: «Вечность — ничто, пред...», дальше у самой рукояти сталь была как-то странно обломана.

— Почему ты мне не показывал? — Джек тоже потянулся к находке, но отдернул руку — дочь рыцаря смотрела на него глазами, полными слез.

— Господи, Шелти, что с вами?

— «Вечность — ничто, пред именем любимой...» Это был меч моего отца...

* * *

— Сэм! Дай сюда, тебе говорю!

— Лежи, лежи, старик! Тебе нельзя волноваться. Лихорадка обострится, опять кашлять будешь. Лечишь его, лечишь...

— Дай сюда этот обломок, балбес несчастный! Иначе я превращу тебя в жирную, бородавчатую, противную, скользкую жабу!

— Ну что с ним будешь делать?! — страдальчески всплеснул руками Вилкинс. — Да лучше б я вовсе не находил этот меч. Все словно с ума посходили. Шелти ревет не переставая, Джек рвется ее защищать (от кого?!), мой собственный учитель решил себя угробить волнениями и нервотрепкой. Один сумасшедший — это еще куда ни шло, я привык, но столько психов в одной пещере...

— Смолкни! — дружно посоветовали все.

— И дай мне обломок! — добавил Лагун-Сумасброд. Он долго изучал сталь, надпись и наконец вынес свое суждение: — Этот меч не мог сломаться в бою. Сталь чрезвычайно упруга и великолепно закалена. Представьте себе, ребятки, это лезвие отку-сано!

— Что?! — Шелти стало дурно, но девушка быстро пришла в себя.

— Я думал, что леди Шелти стоит рассказать нам поподробнее о своем отце, — заговорил Сумасшедший король. — Вы сказали, что он погиб, но где и когда? Простите, если заставляю вспоминать то грустное время, однако иначе мы не поймем, каким образом его меч очутился в безлюдных горах...

— Когда мне было десять лет, у моей мамы начались страшные головные боли. Отец приглашал лучших лекарей и знахарей, но никто не мог ей помочь. Тогда он обратился к известному прорицателю, и тот сказал, что спасти больную может только вода из Колодца Единорога...

— Знаю, — махнул рукой старый колдун. — Это древнее народное поверье — там, где Единорог ударит копытом, надо рыть землю. Будет родник, а вода из него исцелит всех страждущих. Насколько это верно, трудно сказать... Лично я пока не нахожу достойного научного объяснения данному феномену.

— Мама действительно очень страдала, — продолжала бедная Шелти. — Отец надел доспехи, сел на коня и в сопровождении двух слуг отправился на поиски. Через полгода мама скончалась... Об отце мы не слышали ничего. Еще через год его объявили мертвым, а наше поместье отошло опекунам. Дела шли плохо, мы разорились. Меня передавали от родственников к родственникам, пока я не оказалась в Хаузе. Остальное вы знаете.

— Значит, он попал сюда в поисках лекарства для своей жены... — задумчиво протянул Джек. — Завтра встанем пораньше и осторожно двинемся на разведку.

— Почему осторожно?! — выпятил грудь Сэм.

— Потому, что тот, кто откусил клинок у такого меча, запросто может отгрызть тебе... например, нос!

...Наутро вся компания, включая оклемавшегося волшебника, направила лошадей по горной тропке за перевал. Сумасшедший король логично предположил, что дорог здесь не так уж много, да и присутствие чужеродной магии в воздухе не ощущалось.

— Слушай, Сэм, а в той деревне, где мы оставили нашего монаха, никто не рассказывал о каких-нибудь странных случаях?

— Нет. Все в один голос утверждали, что живут они хорошо и счастливо. Все у них есть, защита не требуется. Мелкие неурядицы не портят общего благополучия. Хвала Гаге!

— Кому? — не понял Джек.

— Гаге. Местные крестьяне так говорят. Не знаю, что это значит... Может, у них присказка такая.

— Да... наверно...

За перевалом их встретил замок. Не какое-нибудь мрачное вместилище зла с черными башнями и общей могильной архитектурой, а вполне современное, со вкусом построенное жилище. Два корпуса зданий с хорошей крепостной стеной, надраенными воротами, у которых даже не было стражи.

— Миленький домишко! — прокомментировал Вилкинс. — Нас наверняка угостят обедом.

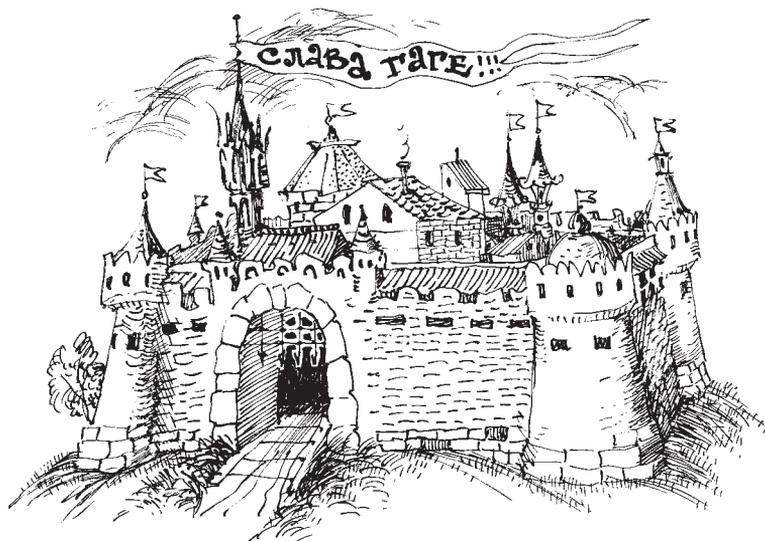
— У меня нехорошее предчувствие... — откликнулась Шелти.

Джек лишний раз проверил, легко ли меч ведуна выходит из ножен.

— Лагун, вы не подскажете, кто мог разместиться в этом замке? С одной стороны, все чисто и пристойно, а с другой — меня не покидает ощущение бутафории.

— Да, мой мальчик, мне и самому непросто в этом разобраться. Здесь замешана магия, очень сильная магия. Зло настолько поглотило Добро, что они в любой момент могут подменить друг друга. Теоретически после слов «Здравствуйте, рады вас видеть...» жди ножа в спину. Или наоборот...

Сумасшедший король задумчиво сдвинул брови. Герберт научился настраиваться на противника, воспринимать и отражать чужую агрессивную волю, защищая свой мозг и психику от постороннего воздействия. Он чувствовал, как неуловимые нити чуждого сознания уговаривают, затягивают, заставляют их войти в гостеприимно распахнутые двери.



— Ну что ж! — решил Джек. — Силе противопоставляют мягкость. Время крушения челюстей еще не настало, давайте посмотрим, кто нас ждет внутри. Вот что, у меня есть просьба ко всем. Мы в этих краях люди новые, постараемся поменьше болтать. На всякий случай вы, Лагун, будете странствующим доктором, леди Шелти — вашей внучкой и ассистенткой, Сэм и я — наемные телохранители.

— Блеск! — подпрыгнул в седле ученик чародея. — Я буду самым суровым и отчаянным головорезом с Агрипинского архипелага, двадцать лет по тюрьмам, весь в наколках, шесть смертных приговоров, восемь побегов, разыскиваюсь властями двенадцати стран, мой путь усеян трупами, я страшен в бою и сущий демон с женщинами! А еще...

— А еще ты немой! От рождения! — строго обрезал колдун. — Хоть слово пикнешь — превращу в жабу. И скажу, что так и было! Оставшуюся часть пути будешь квакать...

Вилкинс было надулся, но кавалькада уже въезжала в ворота. Спорить было некогда, а в определенных случаях даже Сэм признавал дисциплину как радикальное средство спасения собственной шкуры.

Странники спешили, привязали лошадей у коновязи, приятно удивившись чистоте внутреннего двора и неприятно — отсутствию слуг, стражей, да и вообще кого бы то ни было.

— Ну что, будут нас встречать, или нам суждено торчать здесь до конца света? — рыкнула Шелти.

Из дверей вышли люди в парадных ливреях. Они, кланяясь, подошли к друзьям, жестами приглашая следовать за собой.

— Пошли! — кивнул Джек, а Сэм, хлопнув одного из провожатых по плечу, дружелюбно поинтересовался:

— Как жизнь, приятель?

— Хвала Гаге... — безжизненным голосом ответил тот.

— Хвала Гаге... Хвала Гаге... — подхватили остальные.

Лагун-Сумасброд подергивал бороденку, и Джек понял, что старый волшебник нашел достойную загадку для своего аналитического ума.

* * *

Их ввели в просторную, роскошно убранную комнату. Шелти, скептически оглядев интерьер, вынесла суровый вердикт:

— Шесть разных занавесок на одно окно — это уже чересчур! У хозяев замка маниакальная страсть к вещам, ни одного про-

стого кусочка стены, все в бантиках, ковриках, рюшечках, картинках и портретах. Боже, где чувство меры?

— Ты слишком огрубела от беготни по лесам. На мой взгляд, это дом настоящей женщины! — встрял Сэм, но Сумасшедший король поддержал дочь рыцаря:

— У каждого свой вкус. Здесь же он вообще отсутствует.

— Прекраснейшая и Золотоголосая, Возвышенная и Вечно-молодая, Всезнающая и Тонкочувствующая, Гага Великолепная примет вас через полчаса! — проблеял худой мужчина в черном.

Лагун остановил его и попытался прояснить обстановку:

— Скажи-ка, милейший... Ваша госпожа и вправду такое чудо, как утверждает ее титул?

— Титул, названный мной, преступно короток, он не отражает и сотой доли достоинств Безупречной.

— Она давно живет здесь?

— И с кем? — снова влез Вилкинс. — Она замужем? Есть дети? Возраст? У нее кавалеры? Любовники? Друзья дома? Вообще-то я немой, но так интересно...

— Несравненная примет вас через полчаса. — Так и не ответив на вопросы, мужчина вышел из комнаты.

— Самое обычное дело, экспрессивная мадам, страдающая нарциссоманией, — пожал плечами колдун. — Джек, ты прав, нам не стоит раскрывать карты. Женщины такого рода становятся настоящими фуриями, если их недостаточно ценят...

— Здравствуйте, господа! — В сопровождении эскорта стражи появилась хозяйка замка, к слову заметить, опоздав почти на час.

Она была невысока ростом, худощава, симпатична. Светлые волосы опускались до плеч, пальцы унизаны перстнями, одежда богата, а возраст... Сумасшедший король, запоминающий все до последней детали, был поставлен в тупик возрастом этой женщины. На вид ей было явно за сорок, но держалась, гримасничала и говорила она как восторженная тринадцатилетняя девочка.

— Крашенная! — прокомментировала Шелти драматическим шепотом.

— Ну что же вы стоите, господа? Садитесь, прошу вас! В наших краях редки путники. Вы, наверное, обошли весь свет? У вас такие умудренные глаза, благородный старец... — Лагун-Сумасброд смущенно закашлялся. — Расскажите, кто вы и откуда. Если, конечно, это не тайна...

— Мы, собственно, идем... — начал колдун.

— Ах, как я люблю тайны! — всплеснула руками женщина, театрально изогнувшись в талии. — У меня был один случай...



— Мы хотели бы... — попытался вставить слово Джек, но был поставлен на место визгливым окриком, в котором к тому же явно прослушивались слезы:

— Вы не дали мне закончить! Где вас воспитывали?! Это просто верх хамства и неприличия! Ах, я даже не успела представиться: Гага Великолепная. Образование высшее, заслуги перед обществом, награды и таланты...

В общем, перечисление всех регалий заняло около получаса. Шелти отчаянно пыталась перевести разговор в другое русло, но тщетно. Гагу интересовала только она сама!

Когда словоохотливая хозяйка простилась с гостями и друзей отвели в приготовленную им комнату, все почувствовали крайнюю усталость.

— Я похож на выжатую половую тряпку, — пожаловался Сэм. — Неужели эту особу никак нельзя заткнуть?

— Еще одна такая встреча — и я ее просто застрелю... — пообещала Шелти, буквально рухнув на ковер.

— Лагун, а ведь с такой силой мы еще не сталкивались. Я едва держусь на ногах. Легче драться весь день, чем один час слушать глупости.

— Не так все просто, Джек... — покачал головой волшебник. — Даже я плохо себя чувствую. Ее магия пробивает все защитные функции организма. Она питается нашими чувствами, эмоциями, волей. Можно любить или ненавидеть, все равно это насыщает ее. Я, конечно, не уверен до конца, но боюсь, что нам надо бежать. Эта женщина — энергетический вампир!

* * *

Джек проснулся от легкого прикосновения чьей-то руки. Лагун-Сумасброд, спавший рядом, тронул его за плечо и выразительно приложил палец к губам. Сумасшедший король ответил

чуть заметным кивком и прислушался. За стеной раздавалось осторожное поскребывание. Сэм дрых беспробудно, устроившись на страже у двери, а дочь рыцаря спала в противоположном углу у камина.

— Будь внимателен, мой мальчик, в нужный момент я дам свет. Похоже, мы чем-то встревожили хозяйку замка... — шепотом приказал колдун.

Джек послушно протянул руку к рукояти, бесшумно извлек из ножен меч ведуна и спрятал его под плащом. Серебряное лезвие на мгновение тускло сверкнуло во мраке. Часть стены мягко отодвинулась в сторону, невысокое, похожее на обезьяну существо тихо вошло в комнату. Красные глаза буквально светились, Джек почувствовал дикую волну первобытной ненависти, злобы и жестокости. Очевидно, тварь была хорошо выдрессирована или имела четкие указания. Не удостоив и взглядом лежащих мужчин, она уверенно двинулась к спящей девушке. В темноте блеснули длинные клыки.

— Свет! — взревел старый волшебник.

Комнату мгновенно озарила шаровая молния, взлетевшая к потолку. Тварь яростно взвизгнула и бросилась на Шелти. Серебряный меч, кувыркаясь, сверкнул в воздухе и по рукоять вошел в спину зверя. Джек даже не поднимался, этот прием был многократно отработан им в Трехгорье. Охотница едва подавила крик, когда, проснувшись от света и шума, увидела у своих ног залитое кровью мускулистое чудовище, в последних судорогах пускающее



слону. Красные глаза закрывались. Джек помог девушке подняться, шаровая молния мягко погасла, растворившись в темноте. Лагун-Сумасброд зажег свечи и бесцеремонно растолкал Сэма.

— А-а-а-а!

— Цыц! — Крепкая ладонь волшебника запечатала рот завопившего Вилкинса.

Ученик чародея несколько секунд переводил выпученные глаза с Джека на Шелти, с Шелти на мертвое чудовище, с чудовища на Лагуна, с Лагуна на собственные руки и ноги — целы ли?

— Спокойствие! Все страшное уже позади. — Убедившись, что Сэм не будет орать, колдун вlepил ему крепкую оплеуху. — Кто стоял на страже? Мы тут уже целый час воюем, а он ни сном ни духом!

— Это чары! — огрызнулся Вилкинс. — Адские чары сковали меня невидимыми цепями, но клянусь небесами — я боролся! Еще минута — и мне бы удалось их разорвать, еще мгновение — и я ринулся бы в бой...

— Еще слово — и я тебя задушю! — взорвалась дочь рыцаря, и Джек понял, что пора вмешаться:

— Мне кажется, нам не стоит угрожать друг другу. Здесь и без того довольно опасно. Давайте лучше поразмыслим, как нам выбраться из этого гостеприимного жилища.

— А также над тем, кто подослал эту тварь, — напомнил колдун.

— И над тем, как в здешних лесах оказался обломок меча моего отца...

— И над тем, за что невинные люди подвергаются жестокому диктату и незаслуженным избиениям, — вякнул Вилкинс, но под хмурыми взглядами друзей притих. В этот час ночи дежурил все-таки он.

* * *

Наутро счастливая Гага Великолепная с журчащим смехом вошла в их комнату. Надо было видеть жесточайшее разочарование, исказившее лицо женщины, когда она увидела четырех героев целыми и невредимыми. Четверка с довольными физиономиями и невинными глазами положила к ногам хозяйки замка окоченевший труп обезьяноподобной зверюги.

— Что это?! Это вы с собой привезли? — делано возмутилась Велеречивая, нервно всплеснув руками.

— Данное животное относится к подвиду полудемонических существ с крайне ограниченной умственной деятельностью,

прекрасными физическими данными и патологической страстью к убийству. Их разводят, как курей, они признают лишь одного хозяина, верны ему по-своему. Хотя под влиянием момента могут порвать горло и тому, кто их кормит.

— Не читайте мне лекций! — Истеричная Гага оборвала неторопливую речь волшебника. — Вы притащили чудовище в мой дом, а теперь еще и гнусно намекаете на мое участие в этом преступлении. Вы не даёте мне слова сказать! Где вас воспитывали?! Я считала, что вы как более взрослый и образованный человек имеете хоть какие-то зачатки культуры. По-видимому, моя наивность и доброта вновь подверглись страшному испытанию...

— Позвольте, позвольте... — возмущенный Джек попробовал вступить за старика, но чуть было не свалился под грязным водопадом обвинений в отсутствии элементарных манер.

Шелти молча потянулась за охотничьим ножом. Дело грозило кончиться кровопролитием. Положение спас Сэм:

— Вы сегодня обалденно красивы! — В комнате повисла неуверенная тишина. Воспользовавшись паузой, Вилкинс развил бурное наступление: — Ваши волосы подобны золотой короне. Глаза напоминают опалы Карадага. Голос звучит волшебной арфой неба, слова катятся жемчужинами, фразы подобны коралловому ожерелью, а речь словно омывает мое сердце живительной волной света!

...Гага замолкла. Лагун-Сумасброд с трудом переводил дух, Джек незаметно отобрал нож у дочери рыцаря, а Шелти с непонятной смесью ревности и иронии буркнула:

— Мне он таких слов не говорил.

— Не верю своим ушам! — кокетливо захлопала ресницами Безупречная и Всезнающая. — Мне передавали, что вы немой, а тут такие комплименты!

— Что есть комплимент, как не искусственное преувеличение достоинств? — сладострастно взвыл ученик чародея, подкатываясь поближе. — Мои слова не лесть, а грубая правда. Жалкая констатация факта! Лишнее подтверждение действительности! Аксиома, не нуждающаяся в доказательствах! Даже врожденная немота исчезла при виде столь совершенной красоты...

— Моя школа, — удовлетворенно шепнул Лагун. — Через пару часов он из нее будет веревки вить, или я не знаю Сэма!

— Пойдем со мной, учтивый дикарь... Необузданный телохранитель... Строптивный наемник... Дерзновенный охранник... — замурлыкала хозяйка замка. — Я хочу показать тебе свои... кар-

тины! Они висят в спальне. Идем же! Эти грубые люди подождут здесь, о них позаботятся...

Вилкинс надулся от важности, подмигнул Джеку, показал язык Сумасброду и, встретившись взглядом с Шелти, неожиданно покраснел. Однако отступать было поздно. Безликие лакеи окружили Сумасшедшего короля.

— Ну а мы пока хотели бы осмотреть замок. Нет проблем? — поинтересовался Джек. Слуги покорно кивнули.

* * *

Замок Гаги Великолепной представлял хаотичное нагромождение комнат, залов, лестниц и переходов. Лакеи монотонно твердили гостям уже отработанные речи. Им показали галерею портретов Тонкой и Возвышенной. Целую мастерскую по изготовлению многочисленных книг, написанных Несравненной. Зал для молитв, где десятки людей пели псалмы в адрес Божественной и Образованной, тексты милостиво предоставляла сама Гага. Потом еще много чего разного, но, вопреки чаяниям, ничего криминального. Никаких следов преступления обнаружить не удалось.

— Одурманенные люди не в счет, — сетовал колдун. — Фактов у нас нет. А то, что народ оголтело восхваляет свою правительницу, даже достойно поощрения.

— И все-таки я не могу отделаться от ощущения обмана. Этот обломок меча, эта тварь в нашей комнате, это магическое давление... Лагун, я ощущаю присутствие очень изошренной и жестокой силы.

— Что поделаться, мой мальчик... Конечно, ты прав во всем. Но ведь ты — король! Ты не можешь вершить суд без достаточных к тому оснований.

— Да народ ему и не поверит! — хмыкнула Шелти. — Джек, не будь таким наивным. Если Гага скажет, что все это ложь и демон Зла ты, а не она... Так поверят ей! Даже если у нее на лбу вырастут рога, а у тебя за спиной — крылья херувима.

— Поверьте, леди, я не склонен недооценивать врага. Предлагаю действовать по плану. Для начала — поиск следов вашего отца. Потом — та злобная зверюшка, выбравшая именно вас. Потом... Сэм, он не слишком задерживается? Мы гуляем уже больше часа, облазили весь замок сверху донизу, а его все нет.

— Любовь... — с непередаваемой язвительностью отметила дочь рыцаря.

Лагун-Сумасброд, какое-то время неподвижным взглядом изучавший стену, хлопнул себя ладонью по лбу — его лицо озарилось догадкой:

— Сверху донизу! Ты напал на след, мой мальчик! Вспомни, что я говорил тебе о свойствах магии... Ты чувствуешь Зло, ты словно ощущаешь его запах. Весь замок насыщен им. Значит...

— Значит, запах, как и любое эфирное тело, поднимается вверх. Если мы чувствуем Зло повсюду, то сам фундамент замка и есть Зло. Нам надо исследовать подвалы!

— Джек, ты гений! — Восторженная девушка чмокнула Сумасшедшего короля в щеку. — Как я сразу не догадалась? Если отец жив, то он в плену. А где держат пленников? В подземелье!

— Мы можем осмотреть подвалы? — кивнул слугам старый колдун.

— Зачем? — Впервые на их бесстрастных лицах мелькнуло хоть какое-то подобие чувств.

И Лагун-Сумасброд был готов поклясться, что это чувство — страх... Однако вышколенная прислуга не решилась послушаться. Вскоре вся троица бродила по низким подвальному коридорам, обозревая бочки с вином и складские помещения.

— Пусто, — грустно констатировала Шелти.

— Между тем влияние Зла сильно настолько, что у меня начался озноб. — Старый волшебник плотней запахнул плащ. — Джек, ты тоже ничего не обнаружил?

— Я простучал рукоятью меча стены. В одном месте явно замаскированная дверь. Там какой-то хитрый механизм, без вашей магии не открыть.

Встав у места, показанного Сумасшедшим королем, чародей вытянул руки вперед и нараспев произнес заклинание. Ничего не произошло. Слуги взирали на их манипуляции с каменным равнодушием. Лагун попробовал еще и еще раз. Бесполезно!

— Ничего не понимаю... Впечатление такое, будто сама субстанция среды гасит любую белую магию. Все мое умение тут бессильно. Шелти, будьте так добры, нацедите кружечку вина, я должен восстановить силы.

На грубом столе красовался ряд глиняных кружек. Дочь рыцаря быстро повернула кран ближайшей бочки, и красная струя, пенясь, наполнила сосуд. Лагун-Сумасброд принял кружку, поднес ее к губам и... отшвырнул в сторону:

— Это кровь!

Джек едва успел подхватить побледневшую Шелти.

— Мне дурно...



— О женщины... Основной вопрос в том, кому и зачем могло понадобиться такое количество крови? Как ты полагаешь, Джек, с чисто практической точки зрения, куда все это можно употребить?

Сумасшедший король зашатался и не хуже Сэма рухнул в обморок. Дочь рыцаря повалилась следом. Колдун, чертыхаясь, привел в чувство обоих, после чего, приняв вид профессора на кафедре филологии, неспешно начал речь:

— Итак, будем исходить из реальности. Во всех бочках кровь. Настоящая, человеческая. Зачем? Хозяйка замка, конечно, вампир, но другой структуры. Она питается энергией, кровь ей ни к чему. Соответственно существует иная причина. Ванны? Многие принимают их и с более экзотическими жидкостями, ошибочно считая, что это добавит им красоты и долголетия... Приготовление колдовских снадобий? Реально, но не в таких же количествах. Тогда что?

— Возможно, она приберегает кровь для кого-то другого? — преодолев дурноту, откликнулся Джек.

Шелти вновь закатила глаза.

— В самую точку! Я убежден, что мы имеем дело с культом забытого и страшного божества. Это объяснило бы многое... Общее ощущение Зла вокруг, огромное влияние Гаги на местное население, наличие тайных помещений за стеной, бочек, наполненных кровью. По-моему, все достаточно логично, хотя для нас и малоутешительно...

— Почему?

— А как ты полагаешь, эта скандальная бабенка разбудила какого-нибудь бога Цветов? Или покровителя Высоких Искусств? Нет, тут должно быть что-то пострашнее. В древности было много ужасных существ. Вопрос лишь в том, в чье именно святилище мы вторглись.



— Скоро узнаете! — На пороге у входа в подвал гордо стояла хозяйка замка. Ее глаза горели, ноздри хищно раздувались, а поза дышала уверенностью и высокомерием. — Вы все узнаете, несчастные...

* * *

Джек прикрыл собой друзей. Если магия Лагуна не действует, то для защиты оставался меч ведуна Герберта и охотничий нож леди Шелти. Позади Гаги Великолепной выстроился ряд законанных в доспехи рыцарей. Но самое худшее... Рядом с ухмыляющейся хозяйкой замка стоял Сэм Вилкинс! Его глаза светились зеленым огнем, парчовый костюм отсвечивал золотом и бриллиантами, а выражение лица стало грубым и презрительным:

— Старик не опасен, без магии он никто. Девушка, пожалуй, тоже. А вот его, дорогая, я бы советовал убить без проволочек. Он прошел хорошую выучку у ведуна и в бою стоит пяти твоих воинов.

— Как это мило... Ну уж против двенадцати он не выдюжит?

— Нет, но лучше не рисковать.

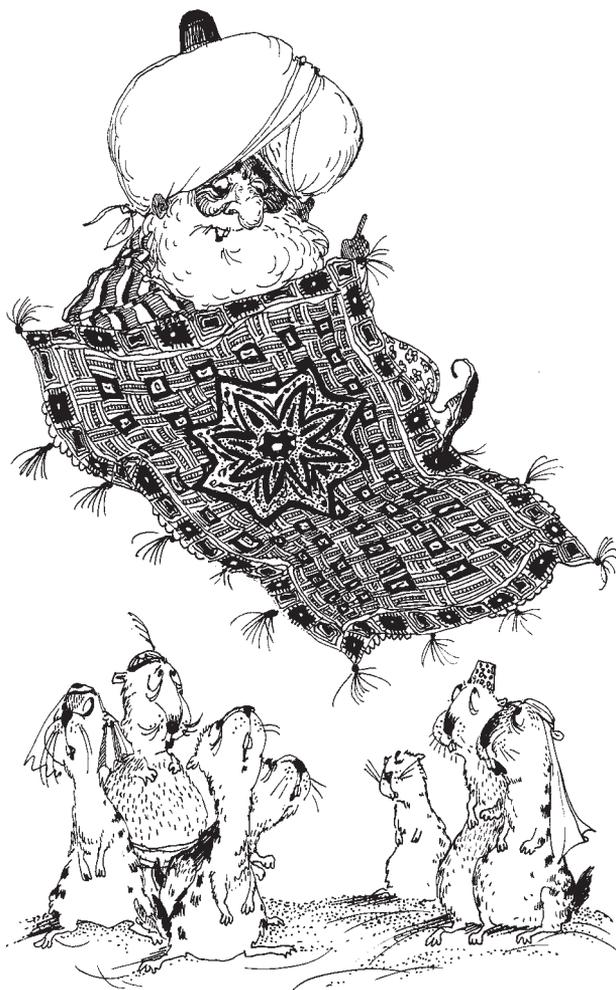
— Сэм! — взорвался пораженный колдун. — Что ты делаешь, негодник?! Да я тебе уши оборву!

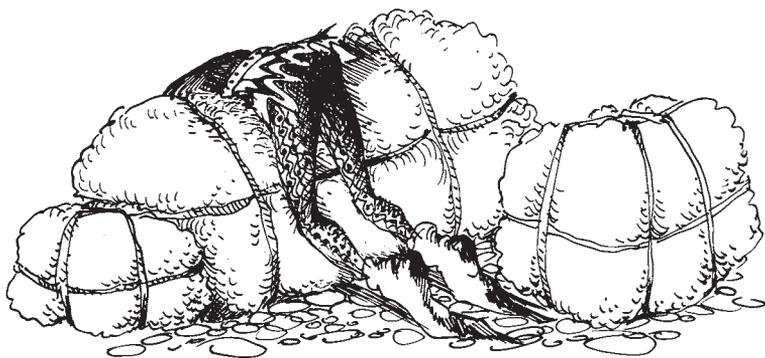
— Успокойтесь, Лагун! — Джек удержал колдуна, в то время как Вилкинс все же укрылся за бронированной стражей. — Вы же видите, что он заколдован. Он не в себе...

— Все равно! Я давно хотел оборвать ему уши! Почему я должен отказывать себе в этом маленьком удовольствии?

— Я вам помогу! — загорелась дочь рыцаря, охотно засучивая рукава. — Он меня тоже допек своими сплетнями о нашем совместном купании.

ДЖЕК НА ВОСТОКЕ





Раскаленное солнце яростно пылало над всем Агрипинским архипелагом. В порту города Кэфри только что пришвартовалось потрепанное судно из христианских стран. Несмотря на серьезную разницу в вероисповеданиях, приводившую к частым войнам, христиане и мусульмане в мирное время успешно торговали. Вот и сейчас корабль привез груз белой шерсти тонкорунных овец, железо, меха, стекло. Бойкие торговцы тут же бросились к судну, выпытывая у приезжих купцов цены на товары. Языковых барьеров торговля не знала. Вместе с моряками на берег сошел бледный молодой человек в пестрой одежде. Вернее, не сошел — его вынесли, попросту бросив на тюки с шерстью. Да и бледность не совсем точное определение — цвет лица бедного Сэма Вилкинса варьировался от голубоватого до зеленоватого. Что делать, если ученик чародея совершенно не переносил качки... Всего одна неделя болтанки по морским волнам показалась ему целым годом непрерывных страданий. За это время Вилкинс двести раз проклял сам себя за глупую обиду на друзей, триста раз просил небеса дать ему помереть спокойно и десять тысяч раз отказался от женитьбы на дочери марокканского султана.

— А если она уродина каких поискать? А если у нее усы? Здесь многие женщины с усами... А вдруг она старая дева и по возрасту годится мне в мамы? А вдруг за ней не дают приличного приданого? А что, если она вообще уже замужем и у нее восемнадцать детей? — жалобно постанывал Сэм, пытаясь сползти с тюков и встать.

Жара угнетала, в карманах незадачливого жениха бренчало всего несколько монет, арабского языка он не знал, но твердая почва под ногами вновь возродила в нем гордый дух отчаянного авантюриста. Вилкинс пригладил волосы, развернулся, осмотрелся, и... неожиданный шум за рядами бочек привлек его вни-

мание. Любопытство не порок, но сгубило столько кошек... Сэм и не подозревал, как одна божественная случайность может стать судьбоносной. За бочками шла драка. Двое оборванцев били третьего. Вилкинс было развернулся назад, но в этот момент с избиваемого упал тюрбан и по плечам рассыпалось множество черных косичек.

— Девушка! — ахнул Сэм.

Драчуны обернулись.

— Обалды, хамар гяур?! — грозно спросил один.

— Ничего не понимаю, — честно ответил ученик чародея и тут же выпалил все восточные слова, какие успел подхватить на корабле: — Салам алейкум, Аллах акбар! Карачун-бабай, шайтан-арба, базар-кирякми. Арык, урюк, аул, ишак!

Два смуглых оборванца побурели, сжали кулаки и шагнули к Сэму. Прекрасно понимая, что в неравном бою он не победит, а пути к бегству отрезаны, храбрый Сэм открыл рот, дабы позвать на помощь, и...

— Гав, гав, гав, гав, гав!!!

Хулиганы замерли в испуге. Бедная девушка тоже, да и сам Вилкинс несколько опешил. Впрочем, быстро сообразил, как использовать создавшееся положение:

— Гав, гав! Гау, гау! Аф, аф! Тяф, тяф!

— Карсак-шайтан! — в голос завопила вся троица местных, бросаясь наутек. Парни бежали первыми. Сэм сделал шаг и успел поймать девушку за косички.

— Ну а ты-то куда? Ой, я еще плохо владею вашим языком. Как же это будет? В общем, вот эти злые нукеры? Аскеры? Торшеры?.. Они же тебя обижали? Били, колотили, щипали?.. Я тебя спас! Я хороший! Не убегай! Якши?

— Не буду...

— Вот и ладошки! Что? — не сразу уловил Вилкинс.

— Я хорошо говорю на языке белых людей из-за моря, — улыбнулась девушка. — Моя мать была рабыней богатого торговца шелком, он вывез ее из северных стран. Она рассказывала мне о снеге... Но храброму господину это не может быть интересным. Чем я могу ему служить?

— Ну... не знаю даже. У меня никогда не было собственных слуг. Вот что... Пойдем куда-нибудь, где можно пообедать.

— Слушаюсь, мой господин. Здесь неподалеку есть чайхана.

И Вилкинс, надувшись от важности, проследовал за черноглазой проводницей. Впервые в жизни его назвали господином, да еще храбрым, да еще девушка, к тому же хорошенькая, уж в

этом-то ученик чародея знал толк. Следуя маленькими улочками, полными базарного люда, Вилкинс неустанно вертелся, восторженно разглядывая окружавшие его чудеса. Например, удивительных зверей, ростом превышающих лошадь, с двумя мохнатыми горбами и меланхоличным взглядом.

— Кто это?

— О аллах, мой господин никогда не видел верблюдов? — поразила девушка.

— Нет. А ты когда-нибудь видела, ну, например, белку?

— Нет.

— Темнота некультурная! — удовлетворенно заявил Сэм. — Как хоть тебя зовут, необразованная?

— Мейхани, мой господин. А вас?

— Полное имя — Самюэль-Сеид-Акбар-ага-угу-Вилкинс. Внебрачный сын марокканского султана. Только это большой секрет! Я путешествую инкогнито по своей стране, и в целях конспирации называй меня просто Сэм.

— Как будет угодно моему высокородному господину, — с неподдельным уважением ответила девушка.

— А это кто?! Вон тот, маленький, симпатичный, с копытцами и длинными ушками?

— Ишак.

— Ишак? Минуточку, а разве ишак это не деревня или поселок?

— Поселок называется кишлак! — недоверчиво сощурилась Мейхани. — А вы точно из Марокко?

— Конечно! Как я мог забыть... Кишлак! Там все едят кишки! Очень вкусно...

Под пристальным взглядом девушки Вилкинс запнулся, ступешевался и тихо произнес:

— Ладно, сдаюсь... Где тут твоя чайхана? Пойдем поговорим начистоту...

* * *

В тот же вечер в порту бросило якорь еще одно купеческое судно. В числе прочих пассажиров на берег сошли благородный старик с длинной бородой и профессорским видом, высокий воин в походном костюме с боевым серебряным мечом у пояса и красивая девушка-охотница с колчаном, полным стрел, и луком за плечами. Все трое прекрасно владели арабским. За время плаванья Лагун-Сумасброд рассказал друзьям все, что знал о традициях, привычках и правилах Востока. Одного заклинания хвати-

ло, чтобы Джек и Шелти запомнили все, ибо перед ними стояла очень серьезная задача — поймать Сэма до того, как он насвершает глупостей. А зная деятельный характер ученика чародея, можно было смело предположить, что с него станется в одиночку объявить новый Крестовый поход...

— Джек, куда, по-твоему, мог направиться этот охламон?

— Я думаю, сразу во дворец. Раз уж он так скоропалительно решил жениться, то вряд ли будет тратить время на ухаживания, хотя... Лагун, вы ведь знаете его дольше, чем я. Он мог куда-нибудь завернуть по дороге?

— Запросто, мой мальчик. В турецкие бани, например. Сэм почему-то убежден, что мужчины и женщины моются там одновременно. Или на базар, посмотреть танец живота. Или, как ты говоришь, напрямик во дворец, но не к султану, а в его гарем.

— Вот бабник! — фыркнула Шелти. — Давайте не будем его искать. Тут и так много интересного. Если гарем ему дороже друзей...

— Милочка, — вздохнул колдун, — если его поймают в гареме, то сделают евнухом.

— Подумаешь, очень даже приличная профессия. Может, он хоть тогда за ум возьмется?

— А велика ли гарантия, что его там поймают? — заступился за друга Джек.

— Мм... признаться, до сих пор не ловили ни разу. Опыт у него есть. Лично я советую не строить пустых предположений, а сразу направляться во дворец. Рано или поздно Вилкинс туда заявится.

Если бы они только знали, что виновник всей суматохи в данный момент наслаждается пловом в уютной чайхане совсем неподалеку... Увы, Лагун-Сумасброд повел друзей к блестящему султанскому дворцу.

— Когда-то, лет тридцать назад, я бывал в этих краях и даже водил дружбу с местными волшебниками. В большинстве своем это были очень приятные люди, но довольно коварные, необузданные в гневе и склонные к не слишком обдуманым действиям. Горячая кровь. Что поделать — Восток...

* * *

А именно в этот день великий султан Марокко, достославный Пуфим аль-Рахим-Хасан ибн Рахат-Али Махмуд-паши-бей-Залимухеддинов готовил к походу в баню свою единственную дочь. Лунолика красавица Гюль-Гюль в плане бань была очень по-

кладистой девушкой. Ей нравилось ехать через весь город в окружении тысячи стражников, преданных мурз, бердан-беев и башибузуков, на белом слоне, под золотым балдахином. Как наследницу трона принцессу никуда не выпускали из дворца, поэтому девушка искренне радовалась любой возможности высунуть нос наружу. К тому времени, когда загрели трубы и народ ринулся на площадь, Вилкинс успел объесться...

— Мейхани, а что это за шум там на улице? Такое впечатление, будто весь город ловит одного-разъединственного таракана, перемещающегося с сумасшедшей скоростью, а того, кто первым на него наступит, ждет ценный приз.

— О нет, мой господин, — улыбнулась девушка. — Просто дочь султана, прекрасная Гюль-Гюль, идет в баню.

— В баню?! — Сэм едва не подпрыгнул на ковре. — Я тоже хочу в баню. У меня уши не вымыты!

— Вы хотите увидеть принцессу?

— Да! Жадно, безумно, страстно, безнадежно, яростно, безудержно, отчаянно, бесповоротно — хочу!

— Тогда пойдемте, луноликая охотно являет свою красоту взору каждого.

— Мне нравится такая доступность, — окончательно воодушевился ученик чародея, — но мне нужно успеть прикупить молчалку.

— Зачем? — напряглась девушка.

— Как «зачем»? Ну, там... спинку ей потереть, познакомиться, шуры-муры, то да се, в бане все равны. Я же должен хорошенько рассмотреть свою будущую невесту, так сказать, без...

Ап! Побелевшая от ужаса Мейхани ловко заткнула рот Вилкинса хурмой. Бедный Сэм бешено вращал глазами, возмущенно сопел, абсолютно не понимая, почему это все вокруг так резко замолчали.

— Мой господин пьян! Я отведу его домой, — громко объявила девушка, потащив фантазера из чайханы и оставив на столе золотую монету Вилкинса в уплату за обед.

Уже на улице, в первой же подворотне, она крепко приложила его спиной к глинобитной стене и высказала все, что о нем думала:



— Если вы — сын марокканского султана, то я — дочь папы римского! Вы никогда не видели верблюда, вы путаете ишака с кишлаком, бастурму с пахлавой, ифрита с нефритом, аксакала с саксаулом. Вы не умеете сидеть на ковре, скрестив ноги. Вы способны заявить на всю чайхану о желании видеть наследницу престола в бане. О аллах! Да как вас только не разорвали на куски за такие мысли?! Правверному мусульманину даже в голову не взбретет такое вопиющее нарушение Корана! Это же портовая чайхана! Здесь каждый второй завсегда знает прекрасно понимает вашу речь...

— Правда? — поник Сэм. — Как жаль... такая хорошая маскировка была. Ну... может, я чего и приукрасил, но не намного. На самом деле я, конечно, не сын вашего султана...

— А кто?

— Я его племянник.

— О пророк Мухаммед, избави мои уши от этой неуклюжей лжи! — страдальчески всплеснула руками Мейхани, развернулась и быстро пошла по улице.

Перепуганный Вилкинс рванул следом.

— Эй, эй, эй! Ты куда?!

— Куда глаза глядят. Прощайте, мой господин.

— Но... а как же... это... ты ведь называла себя моей слугой!

— Я уволилась. По собственному желанию, без выходного пособия и рекомендаций.

— А... я же вашего языка не знаю!

— Аллах милостив, не пропадете.

— Мейхани! Ну не беги ты так, я же не успеваю. Давай я тебя провожу?

— Нам в разные стороны! — отрезала девушка. — Если вам на север, то мне на юг, или наоборот...

— Ладно, каюсь — я соврал! Я всего лишь двоюродный племянник вашего... Троюродный! Ну пожалуйста-а-а... Мы вообще не родственники! Не бросай меня-а...

— Уф!.. — Мейхани остановилась и сурово глянула в пристыженные глаза ученика чародея. — Вот что, господин ага-угу-Вилкинс, либо вы сейчас же рассказываете мне всю правду, либо — прощай навеки, моя синеглазая любовь, мы разошлись, как в пустыне караваны! Все ясно?

— Все, — обреченно кивнул Сэм. — История моя длинна и печальна. Я мог бы рассказывать ее долгими ночами, но... А что, на принцессу нельзя взглянуть хоть одним глазком?

— Можно... все спешат на площадь, чтобы посмотреть на торжественный выезд прекрасной Гюль-Гюль из дворца. Это очень красивое зрелище. А вашу историю выложите по дороге. Только покороче, я не султан и вы не Шехерезада, у нас нет в запасе тысячи и одной ночи!

Воспрянувший Вилкинс вприпрыжку двинулся за своей черноглазой проводницей, на ходу бурно расписывая все необычайные приключения последних лет, начиная с того момента, как Лагун-Сумасброд привел к ним в пещеру сумасшедшего бродягу...

В то же время к дворцовой площади направились и наши старые друзья.

— Раз уж все так бегут посмотреть на дочь султана, то Сэм этого момента точно не упустит, — твердо решила Шелти.

На охотницу озирались с восхищением и осуждением одновременно. Дочь рыцаря, вопреки местным обычаям, не покрывала голову, и волна золотых волос сияла на солнце, как королевская корона. Тугие лосины со шнуровкой обтягивали стройные ноги, куртка была расстегнута на одну пуговицу, а смелые глаза резко выделялись на общем фоне робких взглядов восточных женщин. Смуглые торговцы, слуги султана и молодые богатенькие шалопаи цокали языком, широко улыбались, всячески пытаясь обратить на себя внимание северной красавицы. Но, видя рядом внушительную фигуру Джека с серебряным мечом у пояса и поступью настоящего короля, быстренько оставляли всякие мысли о приятном знакомстве с загадочной чужестранкой. Когда наконец вся троица пробилась в первые ряды, под торжественный рев труб распахнулись ворота дворца...

* * *

Выезд прекрасной Гюль-Гюль действительно был запоминающимся зрелищем, полным истинно восточной пышности и великолепия. Сначала вышли ряды музыкантов с трубами и барабанами, следом выбежала сотня невольниц, рассыпающих розовые лепестки. За ними суровые воины с кривыми ятаганами и лицами, укрытыми черной вуалью. Потом ряды всадников в сияющих доспехах, ярких костюмах, на белых, празднично наряженных лошадях. И лишь следом за ними шествовал огромный красавец-слон, на спине которого под золоченым балдахином находилась единственная дочь марокканского султана. Народ бухнулся на колени и, стуча лбом в землю, начал активно выра-

жать восторженное почтение венценосной особе. В этот-то момент Шелти и узрела на противоположном конце площади художавую фигуру Вилкинса, яростно втолковывающего что-то неизвестной черноволосой девушке.

— Вон он, ваш тощий авантюрист!

— Джек, нам совершенно необходимо поймать его именно сейчас, после церемонии он наверняка сбежит.

— Но, Лагун, если я попытаюсь прорваться через ряды стражи, то все решат, что это нападение на принцессу, — резонно предположил Сумасшедший король.

Друзья хмыкнули и решили подождать, а счастливый Сэм подпрыгивал, восторженно вопя на всю площадь:

— Да здравствует самая прекрасная из звезд Востока, несравненная сказка моего измученного сердца, красавица Гюль-Гюль, чей взгляд настолько затмил солнце, что я и не смею дерзнуть о короткой аудиенции в камерном кабинетике со свечами и ужином на двоих!

Слон споткнулся. Для столь вольной речи Вилкинс выбрал самый неподходящий момент. Музыканты молчали, жители города подобострастно лежали в пыли, и принцесса слышала каждое слово. От столь невероятной наглости чужеземца опытные нукеры опустили ятаганы, танцовщицы побледнели, Мейхани едва не бухнулась в обморок, Джек, Шелти и колдун зажмурились. А Сэм продолжал нести несусветную чушь:

— Драгоценный алмаз из алмазов, о Гюль-Гюль, ты такая пышка! В баньку собралась, свет очей моих? Так, может быть, скоротаем время пути приятной беседой? И хотя я не был на Босфоре, я тебе придумаю о нем... А еще я очень хороший массажист. Ну, ты меня салам алейкум, киска?

Черные брови принцессы гневно сошлись на переносице. Как наследница трона, она знала множество языков, впрочем, что имел в виду заезжий нахал, почему-то отлично поняли все. Народ недовольно заворчал... Как смеет этот северный варвар оскорблять дочь самого султана непристойными намеками и вульгарным тоном?

— Стража, взять его!

Но прежде чем охранники повернулись к Сэму, прежде чем Сумасшедший король потянулся к мечу, Шелти — к стрелам, а Лагун-Сумасброд вспомнил нужное заклинание, с четырех углов площади закрутились пыльные вихри, быстро превратившись в огромных ифритов. Это были могучие духи ростом в двадцать локтей, с синей кожей, с атлетическими мускулами и злобными

лицами. Танцовщицы завизжали, бросившись врассыпную. За ними побежали трусливые музыканты, потом храбрые нукеры, а спустя пару минут все, кто пришел посмотреть на выезд принцессы, с криками улепетывали в разные стороны. Водоворот бегущих людей закрутил Джека, колдуна и Шелти, унося их прочь от разыгравшейся трагедии. Четыре ифрита шагнули вперед и, поймав перепуганного слона, стали со смехом перебрасываться им, как живым мячиком. Бедное животное трубило со страшной силой, а красавица Гюль-Гюль перекатывалась внутри беседки, словно жук в коробочке. Истошный визг бедняжки только подхлестывал веселье демонов.

— Сейчас же отпустите ее, синюшные болваны!

Если вы думаете, что неугомонный герой сбежал вместе со всеми, то вы его плохо знаете. Сэм Вилкинс, уперев руки в бока, грозно стоял перед ифритами. Бледная Мейхани шепотом взывала к Аллаху, держась за спиной ученика чародея.

— Я кому сказал, чурки плосконосые?! Трепещите перед мощью разгневанного сына марокканского султана, ибо я — Самюэль-Сеид-Акбар-ага-угу-Вилкинс — намерен спасти свою возлюбленную из ваших похотливых лап. А ну поставьте слона на место!!!

Недоуменные ифриты соизволили обратить внимание на маленького человечка, дерзнувшего возвысить на них голос.

— Что тебе нужно, чужеземец?

К чести Сэма признаем, что трусом он сроду не был. А теперь, когда страшные приключения закалили его душу, он глядел на ифритов снизу вверх, абсолютно уверенный в собственном превосходстве.

— Чего ты хочешь, чужеземец?

— Верните мою принцессу, дайте валерьянки слону, извинитесь перед султаном, подметите площадь... — пустился перечислять ученик чародея.

— Он — сумасшедший! — расхохотались синие гиганты.

— В каком-то смысле да... Один мой друг был очень известным психопатом. Ну а с кем поведешься, от того и наберешься! Но ведь, с другой стороны, это так нравится женщинам...

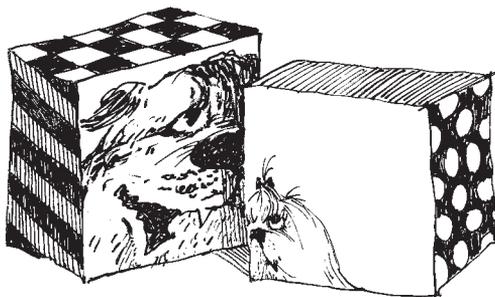
— Что нам с тобой сделать? Убить? Съесть? Растереть в порошок?

— Только троньте его!

Из ближайшего переулка уже бежал разгоряченный Джек. Серебряное лезвие меча горело на солнце. Следом спешила охотница. Ифриты обернулись.



*Ифриты соизволили обратить внимание
на маленького человечка, дерзнувшего возвысить на них голос.*



СОДЕРЖАНИЕ

ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ

7

ДЖЕК И ТАЙНА ДРЕВНЕГО ЗАМКА

151

ДЖЕК НА ВОСТОКЕ

287